

DOI: 10.15643/libartrus-2019.6.4

Мотив убийства отцом неузнанного сына в романе Д. Симмонса «Пятое сердце»

© Г. Г. Ишимбаева

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450105 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: galgrig7@list.ru

В статье исследуются теоретические основы понятия мотив; системно анализируются две разновидности одного древнего архетипического мотива (сознательное убийство отцом сына и убийство отцом неузнанного сына); рассматривается трансформация мотива сыноубийства в романе современного американского писателя Дэна Симмонса «Пятое сердце». Мотив убийства сына отцом является фабульно и сюжетно значимым фольклорным нарративом, репрезентует события, формирует общий смысл текста. Роман «Пятое сердце» представляет собой постмодернистскую версию шерлок-холмсовского канона, которая усложнена за счет использования архетипической модели отношений «отец/сын»: конфронтация Шерлока Холмса и Лукана идет под знаком безлично-природного и идеологического конфликта. Это позволило писателю создать свою версию ставшего традиционным сюжета о сыщике Конан Дойла.

Ключевые слова: мотив сыноубийства, Д. Симмонс, Пятое сердце, конфликт отцов и детей, архетипическая модель, фольклорный нарратив, инвариант, фабульные и сюжетные функции.

Активное теоретическое изучение мотива в литературоведении начинается на рубеже XIX–XX столетий, когда была опубликована монография А. Н. Веселовского в «Из введения в историческую поэтику» (1893). Под мотивом А. Н. Веселовский понимает «...простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения. При сходстве или единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» [2, с. 301].

Основываясь на концепции А. Н. Веселовского, В. Я. Пропп [10], Б. В. Томашевский [15], Б. Н. Путилов [11], Бахтин М. М. [1], А. К. Жолковский и Ю. К. Щеглов [5], Б. М. Гаспаров [3], Е. М. Мелетинский [8], Ю. В. Шатин [18], В. И. Тюпа [16, 17], В. Е. Хализев [21], И. В. Силантьев [12] и др. [14] исследуют инварианты мотива с точки зрения семантики, тематики, сюжетообразования, морфологии, семиотики, функционирования, интертекстуальности, проявления авторского сознания, бессознательного и т.д.

В настоящей статье делается попытка системного анализа одного древнего архетипического мотива, который имеет две разновидности: сознательное убийство отцом сына и убийство отцом неузнанного сына.

Первый вариант этого мотива сложился в доисторическую эпоху и получил осмысление в мифологии разных народов, где особое место отводится убийству детей отцами-богами.

Образ отца как гаранта социального космоса был осмыслен, например, в древнегреческих мифах о Сатурне (Хроносе), пожирающем своих детей, которые в будущем могли претендовать на мировую власть, что в итоге грозило устоявшемуся миропорядку хаосом разрушения.

Своеобразно исследовали проблему взаимоотношений отца и детей гностики-дуалисты, согласно доктринам которых в мире существует два божественных принципа – ветхозаветный и новозаветный. Первый, по их мнению, представлен богом Яхве, злым Демиургом, «творцом замкнутой и отчужденной, „нигилистической“ системы креационистского образца» [4]. Это символ ложного Творца, создавшего неподлинный мир, метафизическую тюрьму. Поэтому целью человеческой жизни является освобождение из-под его власти – власти всемогущего, brutального, пассионарно деспотичного отца, желающего главенствовать в принадлежащем ему пространстве. Однако Демиург, играющий людскими судьбами, не властен в собственном мире, в котором искупление грехов невозможно и царит смерть. В этом главное отличие вселенной «узурпатора и универсального тюремщика» [4] Демиурга от космоса доброго бога Троицы.

Сходным образом метафизический ужас человеческого существования переживали пуритане Новой Англии. Пастор Дж. Эдвардс в знаменитой проповеди «Грешники в руках разгневанного Бога» (1741) раскрывал своей пастве «несмягчаемый, душегубный аспект отца» [7, с. 98]. Это классическая пуританская «пробуждающая проповедь», которая предупреждает о суде, ожидающем неверующих людей, и говорит о Божьем благоволении и о милосердии Бога, который сохраняет Своих врагов от немедленного низвержения в ад. Магистральным образом проповеди Эдвардса является «разгневанный Бог»-отец, карающий стихиями воды и огня нечестивцев, которые, однако, имеют шанс на возрождение.

Вторая разновидность мотива – убийство отцом неузнанного сына – была весьма распространена в древних и средневековых эпохах. Она возникла в архаическую эпоху матриархата и имеет четкую содержательную структуру: сын, рожденный от временной/насильственной связи и воспитанный матерью, много лет спустя в ситуации случайного/сознательного единоборства с отцом, который его не знает, терпит поражение и прощается с жизнью. Становление мотива сыноубийства происходит в изменяющейся идеологической атмосфере зарождения государственно-патриотического самосознания разных народов. Трагическая кончина сына от руки отца трактуется как неизбежность, исторически обусловленная происходящей сменой матриархальной парадигмы развития общества патриархальной.

Вариации мотива убийства отцом неузнанного сына представлены в многочисленных эпических произведениях – в кельтских сказаниях о Клизаморе и Картоне, в ирландском Уладском цикле о Кухулине, в скандинавском эпосе «Эдда», в немецкой «Песни о Хильдебранде», в древнеиранских легендах «Рустемиада» и их литературно-поэтической обработке «Шахнаме» Фирдоуси, в кавказских сказаниях о Ростоме и Зурабе, эстонском эпосе о Кивви-але, русских былинах об Илье Муромце и др.

Анализ символики этого мотива в эпохах разных народов архаических эпох говорит о его несомненной архетипичности и обусловленности идеей победы отца над неузнанным сыном, оказывающимся носителем «неправильной» идеологии. Личностное развитие сына, связанное с его попыткой сепарироваться от фигуры отца, свидетельствует о мучительных поисках собственной идентичности и о потребности экзистенциального опыта. Однако обретение идентичности и опыта заканчивается трагедией смерти: сын нарушает нравственные законы бытия, поэтому его гибель трактуется как акт возмездия и проявление высшей космической справедливости. Инициация мужественности, предполагающая переход героя на новую ступень социального существования, грозит цельности сакрального мира, поэтому авторитет отца, не воспитавшего, и не знавшего своего сына, и, значит, не несущего ответственности за его выбор, остается незыблемым.

Тема противостояния «отцов и детей», представленная в двух разновидностях одного мотива, таким образом, имеет сакральный характер. Его особенности были исследованы в знаковых работах классиков культурологии и антропологии, посвященных философии мифа. В рамках интересующей нас темы рассмотрим несколько сочинений, внесших серьезный вклад в понимание мифологии.

В знаменитой работе Дж. Дж. Фрэзера «Золотая ветвь: Исследование магии и религии» (1890–1915), возникшей в ходе анализа культа наследования должности жреца Дианы Немийской в Ариции¹, содержится цельная концепция царя-жреца, который должен пройти определенные искушения и обряд инициации, убить старого царя и только после этого стать верховным правителем, совмещающим жреческие функции, т.е. приобрести статус посредника между миром сакрального и профанного.

Убийство старого царя/отца было подробно исследовано З. Фрейдом в трактате «Тотем и табу» (1913), развивающем идеи Фрэзера о царе-жреце и раскрывающем эдипов комплекс и эдипальный конфликт [19]. Фрейд связывает развитие личности с вытеснением в подсознание и сублимацией запрещенных сексуальных желаний и с этой точки зрения препарирует античную теогонию, где речь идет о борьбе бога-отца с богами-детьми за власть и об их сексуальном соперничестве по отношению к матери-земле.

В полемике с Фрейдом, акцентировавшим в мифах сексуальные комплексы героев, К. Г. Юнг создал свою аналитическую психологию, где использовал другие интерпретационные технологии и связал мифы с коллективным бессознательным, отдельные единицы которого назвал архетипам [22]. Считая, что самый важный способ символической переработки архетипов был опробован в мифологии, и сближая архетипы как элементы психических структур с мотивами мифов, которые «растворял» в психологии, Юнг уделял главное внимание архетипам, связанным с процессом индивидуации, т.е. процессом урегулирования отношений между сознанием и бессознательным и осознания человеком своей Самости. Пробуждение индивидуального сознания Юнг связывал с архетипом ребенка, который, высвобождаясь из-под власти коллективного бессознательного (семейного круга), в процессе нескольких этапов индивидуации формируется как личность. В таком контексте естественная трансформация молодого человека предполагает пересмотр отношений с родителями, в основе которого лежит комплекс смерти и второго рождения.

Примыкающий к юнгианству, Дж. Кэмпбелл в книге «Герой с тысячью лицами» (1949) реконструирует универсальную историю мифического героя, начиная с ухода из дома, приобретения сверхъестественной помощи, испытаний, возвращения домой. Кэмпбелл особое внимание обращает на «губительный аспект отца», который является «отражением собственного эго жертвы – продуктом оставленной позади, но переносимой в будущее сцены младенческого восприятия, а зафиксированное идолопоклонство этой воспитательной уловки само по себе является ошибкой, удерживающей человека погруженным в чувство греха, ограждающей потенциально зрелый дух от уравновешенной, более реалистической точки зрения в отношении отца и, следовательно, мира» [7, с. 99]. Отсюда проистекает желание сына разрушить эго сво-

---

¹ Дж. Дж. Фрэзер, в частности, пишет о законе святилища: «...претендент на место жреца мог добиться его только одним способом – убив своего предшественника, и удерживал он эту должность до тех пор, пока его не убивал более сильный и ловкий конкурент» [20, с. 8].

его отца, так возникает важный элемент соперничества, не осознаваемый отцом: его сын сражается за господство над Вселенной, за сепарацию от родителя, за власть, за новые ценности и жизненные ориентиры.

Э. Нойманн, автор фундаментального исследования «Происхождение и развитие сознания» (1949), считает, что отец выступает в отношении сына как «сдерживающая сила старого закона, старой религии, старой морали, старого порядка; как сознание, обычай, традиция или любое другое духовное явление, что завладевает сыном и мешает его продвижению в будущее» [9, с. 209]. «Именно преследования и опасности со стороны ненавистной фигуры отца, делают его [сына – Г. И.] героем. Препятствия, воздвигаемые на его пути старой патриархальной системой, становятся внутренними побудительными мотивами героизма» [9, с. 200]. Значит, необходимо испытание, инициация, которая отражает опыт преодоления препятствий, чинимых авторитарным и деспотичным отцом, препятствующим духовному развитию сына, и страхов мальчика на пути к мужской зрелости, изживания его внутренних несовершенств, травматического опыта, инфантильной зависимости. Главный смысл этой архетипической ситуации – обретение мужественности, мужской зрелости, опыта преодоления препятствий на пути достижения высокой цели, переориентация природной мужской агрессивности и разрушительной силы.

Осмысление конфликта отцов и детей в мифологии, эпосах, культурологической и психоаналитической литературе позволяет сделать некоторые выводы. Мотив убийства сына отцом является фабульно и сюжетно значимым фольклорным нарративом, репрезентует события, формирует общий смысл текста. Семантическое ядро мотива – неразрешимый конфликт отца и сына, который в стремлении обрести Самость и освободиться от власти родителя нарушает традиционные нормы нравственности, покушается на жизнь отца, убивающего сына. Фабульным вариантом мотива является момент их личного знакомства.

Эта формула мотива сыноубийства использована в романе современного американского писателя Дэна Симмонса «Пятое сердце» (2015), где логика отношений отца и сына, изменяющихся в процессе эволюции, и бинарных оппозиций в этих отношениях, остающихся неизменными, получила неожиданное художественное осмысление. До сих пор не ставший предметом серьезного литературоведения, этот роман представляет собой постмодернистскую версию шерлок-холмсовского канона [6], которая усложнена за счет использования архетипической модели отношений «отец/сын»: конфронтация Шерлока Холмса и Лукана идет под знаком безлично-природного и идеологического конфликта.

Симмонс домыслил основную сюжетную линию рассказа А. Конан Дойла «Скандал в Богемии», героиня которого Ирэн Адлер выступает достойным соперником Шерлока Холмса, испытывающего к ней интерес и симпатию. Конан-дойловский образ англичанки и вся линия ее взаимоотношений с сыщиком претерпели самое решительное изменение в романе «Пятое сердце», основное действие которого датируется 1893 годом. Властная, умная, любящая манипулировать людьми, она и ее сын Лукан, рожденный от Шерлока Холмса, оказываются в эпицентре «скандала в Чикаго», где сын готовит покушение на президента США Гровера Кливленда, а отец предотвращает преступление. Противоборство героев, находящихся по разные стороны баррикад, оборачивается противостоянием Шерлока Холмса и его сына, выросшего безотцовщиной, ставшего убийцей и погибшего от руки отца.

Мотив убийства отцом неузнанного сына при всей экзотичности фона, на котором он представлен в романе, развивается в полном соответствии с архетипической матрицей. В нем

выделяется несколько стадий развития отношений героев и с самого начала выстраивается система бинарных оппозиций, позволяющая обозначить принципиальную неразрешимость конфликта.

История рождения и становления сына Шерлока Холмса насыщена бытовыми и психологическими обстоятельствами конца XIX в. и аллюзивна по отношению к древним эпическим сказаниям. Если абстрагироваться от конкретно-исторических и вымышленных деталей, связанных, например, с неудавшейся попыткой покушения на президента США в 1893 г., то архетипическая схема выдержана полностью.

Во-первых, Лукан Адлер рожден вне брака своих родителей и до поры не знает родного отца, растет сиротой. Во-вторых, в самом юном возрасте он был отобран у матери преступником, который воспитал его в соответствии со своими принципами. В-третьих, Лукан Адлер вырастает профессиональным убийцей, идейным противником своего отца, которого ненавидит. В-четвертых, в качестве киллера он проходит обряд инициации и совершает попытку убийства отца. Наконец, происходит решающая битва героев, когда отец уже знает, что Лукан его сын, и в честном поединке побеждает его как носителя враждебной человечеству и миру идеи.

То есть в романе последовательно раскрываются пять стадий жизни героя – от сиротского взросления до гибели от руки отца: естественная покорность матери и судьбе в раннем детстве; вынужденное бегство от матери, развитие самосознания и укрепление мужественности в деструктивном общении с мужчиной, который заменил родного отца; борьба за самостоятельность и независимость, проявление собственной воли, утверждение себя и своего эго в поисках и выполнении опасных заданий, прохождение инициации; гибель от руки отца.

Фигура Шерлока Холмса в романе также строится на мифологической основе архетипа отца, долгое время не знающего своего сына и убивающего его в решительной схватке. В связи с этим в образе главного героя присутствуют черты Создателя-Созидателя и Разрушителя. Симмонс существенно трансформировал бесстрастного конан-дойловского Шерлока Холмса, наделив его способностью чувственно воспринимать мир – вне зависимости от того, касается ли это театра и Шекспира или женщины (именно шекспировская драматургия сблизила Шерлока Холмса и Ирину Адлер в бытность их службы в одной актерской труппе). Симмонсский Шерлок Холмс – творческая личность, способная к созиданию, к страсти, к зачатию ребенка. Но карая своего 21-летнего сына, угрожающего спокойствию мира и человечества, Шерлок Холмс выступает как Родитель-Разрушитель, чья природа раскрывается в акте сыноубийства.

Противопоставление героев, внешне и психологически очень похожих друг на друга, идет у Симмонса через сравнение типажей, которые они символизируют: благородный отец – подлый сын; отец, защитник империи и традиционных ценностей – сын, анархист и террорист, подготавливающий войну. Казалось бы, правда на стороне благородства и традиции, о чем метафорически свидетельствует победа отца в последней схватке. Но Симмонс далек от очевидности подобного финала архетипического противостояния отца и сына, поэтому в конце романа выстроена многозначительная историческая перспектива, благодаря упоминанию имени того промышленника, который оплачивал террористические акты анархистов и Лукана Адлера в том числе, – Фридриха Круппа, и плана будущей войны, в которую должны быть вовлечены крупнейшие европейские страны и которая должна рвануть на Балканах.

Таким образом, симмонсский Шерлок Холмс побеждает своего сына в конкретно-исторический момент несостоявшегося убийства президента США и спасает мир от анархии и хаоса. Но это временная победа: через 21 год в Сараево произойдет убийство австро-венгерского

престолонаследника Франца Фердинанда и его жены сербским террористом Гаврилой Принципом и начнется Первая мировая война, т.е. в контексте большой истории дело Лукана Адлера торжествует.

Но и это тоже не финал истории противостояния отца и сына в романе Симмонса. С нашей точки зрения, символика заключительных эпизодов «Пятого сердца» раскрывается благодаря использованию метафоры: Лукан Адлер – шекспировский Кориолан. Рассказывая Шерлоку Холмсу о его сыне, который в детстве отрывал бабочке крылья и получал от этого удовольствие, Ирэн Адлер признается: «Как будто я родила нового Кориолана» [13, с. 585]. И, хотя поначалу Шерлок Холмс хотел сказать, что Кориолана сделала таким, каким он стал, его мать, произнес он другое: «...Кориолана сформировали искаженные римские ценности» [13, с. 585].

Трагедия римского патриция Кая Марция, прозванного Кориоланом, заключается в его крайнем индивидуализме и сосредоточенности на собственной личности, в сознательной противопоставленности всему миру. Мать Кориолана, Волумния, растившая из сына вождя и героя Рима, воспитала в нем непреклонность и мужество, но не наделила его человечностью, поэтому он остался в полном одиночестве – римляне его изгнали, вольски убили. По Шекспиру, корни трагизма находятся во всеобщем разладе, господствующем в обществе, в дисгармонии, которую невозможно изжить, в поправленной гуманности.

Симмонс подчеркивает неслучайность шекспировского следа в мотиве убийства отцом сына – «нового Кориолана» тем, что история отношений будущих родителей начинается именно во время подготовки спектакля «Трагедия о Кориолане», в котором Ирэн Адлер исполнила роль Волумнии. Она, женщина с криминальным прошлым и связями с преступным миром, вынужденная отдать своего ребенка убийце Себастьяну Мортону, ставшему воспитателем юного Лукана, повинна в том, что ее «Орел» (фамилия Адлер в переводе с немецкого языка) трагически неизбежно должен погибнуть и погиб. Но гибель сына фактически обрекает его стареющих отца и мать на бесплодие, на прерывание рода, на смерть.

Проведенное мотивное исследование романа Симмонса «Пятое сердце» позволяет предположить: в молодости преподаватель университета и колледжей, специалист в области английской литературы, теории английского языка и креативного письма, Симмонс несомненно хорошо знаком с работами философов, культурологов, мифологов, в которых осмысляются мифологические сюжеты о противостоянии отца и сына.

В романе «Пятое сердце» мотив сыноубийства, представленный в двух разновидностях, выполняет важные фабульные и сюжетные функции. Его глубинно символическое содержание обуславливает новый способ осмысления шерлок-холмсовского канона. Мотив сыноубийства выступает в романе в качестве микротемы, которая синтезирована с общей темой Шерлока Холмса и помогает в рамках целого текста ее пояснить. Актуализация инварианта, отражавшая динамику социальных процессов в мифологические и эпические времена, связана с необходимостью уточнения рецепции ставшего традиционным сюжета о сыщике Конан Дойла. Семантическая значимость, смысловая напряженность архетипического мотива сыноубийства позволили автору «Пятого сердца» добиться поставленной цели.

Литература

1. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Веселовский А. Н. *Поэтика сюжетов // Историческая поэтика*. М.: Высшая школа, 1989. С. 301.
3. Гаспаров Б. М. *Литературные лейтмотивы*. М.: Наука, 1994. 303 с.

4. Дугин А. Г. Метафизика Благой Вести // *Абсолютная Родина*. М.: АРКТОГЕЯ-центр, **1996**. С. 207–522. URL: <https://fil.wikireading.ru/75375>.
5. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. *Мир автора и структура текста*. Тенафлу, N. J.: Эрмитаж, **1986**. 348 с.
6. Ишимбаева Г. Г. Постмодернистская рецепция шерлок-холмсовского канона в романе Д. Симмонса «Пятое сердце» // *Культурные коды зарубежной литературы*. Уфа: РИЦ БашГУ, **2019**. С. 49–58.
7. Кэмпбелл Дж. *Герой с тысячью лицами*. К.: София, **1997**. 336 с.
8. Мелетинский Е. М. *Поэтика мифа*. М.: Восточная литература, **1995**. 408 с.
9. Нойманн Э. *Происхождение и развитие сознания*. М.: Рефл-бук, **1998**. 462 с.
10. Пропп В. Я. *Морфология волшебной сказки*. М.: Лабиринт, **2001**. 192 с.
11. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // *Типологические исследования по фольклору*. М.: Наука, **1975**. С. 141–155.
12. Силантьев И. В. *Поэтика мотива*. М.: Языки славянской культуры, **2004**. 296 с.
13. Симмонс Д. *Пятое сердце*. СПб.: Азбука, **2018**. 672 с.
14. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. *Теория литературы*. В 2 т. М.: Академия, **2004**. Т. 1. 512 с.
15. Томашевский Б. В. *Теория литературы*. Поэтика. М.: Аспект Пресс, **2003**. 333 с.
16. Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // *Дискурс*. Новосибирск: Институт филологии, **1996**. №2.
17. Тюпа В. И., Ромодановская Е. К. Словарь мотивов как научная проблема // *Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. От сюжета к мотиву*. Новосибирск: Институт филологии, **1996**. С. 3–15.
18. Шатин Ю. В. Мотив и контекст // *Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы*. Новосибирск: Институт филологии, **1995**. С. 5–16.
19. Фрейд З. *Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии*. М.: Эксмо, **2018**. 221 с.
20. Фрэзер Дж. Дж. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. В 2 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, **2001**. Т. 1. 528 с.
21. Хализев В. Е. *Теория литературы*. М.: Высшая школа, **1999**. 399 с.
22. Юнг К. Г. *Душа и миф: шесть архетипов*. М.: Совершенство, **1997**. 382 с.

Поступила в редакцию 26.11.2019 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2019.6.4

The motive for the murder of an unrecognized son by the father in the novel by D. Simmons “The Fifth Heart”

© G. G. Ishimbaeva

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: galgrig7@list.ru

The article examines the theoretical foundations of the concept of motive; two varieties of the same ancient archetypal motive (the deliberate killing of a son by the father and the killing of the unrecognized son by the father) are analyzed on the system level, the transformation of the motive of the filicide in the modern novel by American writer Dan Simmons “The Fifth Heart” is considered. The comprehension of the conflict of fathers and children in mythology, epics, cultural and psychoanalytic literature allowed to draw some conclusions. The motive of the murder of the son by the father turns out to be a folklore narrative which is significant both by fabula and plot; it represents the events, forms the overall meaning of the text. The semantic core of the motive is an intractable conflict between a father and a son, who in the pursuit of Self and in an effort to break free from parental authority violates the traditional norms of morality, attempts on the life of the father killing the son. The plot variant of the motive is the moment of their personal acquaintance. The novel “The Fifth Heart” is a postmodern version of the Sherlock-Holmes canon which is complicated by the use of the archetypal model of the relationship “father/son”: the confrontation of Sherlock Holmes and Lucan goes under the sign of impersonal-natural and ideological conflict. The motive of the filicide in the novel is developing in full accordance with the archetypal matrix. It distinguishes several stages of development of heroes’ relations; and from the very beginning the system of binary oppositions enabling to designate basic insolubility of the conflict is built. This motive existing in the novel text in two varieties performs important plot functions. Its deeply symbolic content determines a new way of understanding the Sherlock-Holmes plot. The motive of filicide appears in the novel as a microtheme, which is synthesized with the general theme of Sherlock Holmes and helps to explain it within the whole text. The actualization of the invariant, which reflected the dynamics of social processes in mythological and epic times, is connected with the necessity to clarify the reception of the traditional plot about the Conan Doyle’s detective. The semantic significance, notional tension of the archetypal motive of filicide enabled the author of “The Fifth Heart” to achieve this goal.

Keywords: motive of filicide, D. Simmons, The Fifth Heart, conflict of fathers and children, archetypal model, folklore narrative, invariant, plot functions.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ishimbaeva G. G. The motive for the murder of an unrecognized son by the father in the novel by D. Simmons “The Fifth Heart” // *Liberal Arts in Russia*. 2019. Vol. 8. No. 6. Pp. 410–418.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow: Iskustvo, 1979.
2. Veselovskii A. N. *Istoricheskaya poetika*. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. Pp. 301.
3. Gasparov B. M. *Literaturnye leitmotivy [Literary motifs]*. Moscow: Nauka, 1994.
4. Dugin A. G. *Absolyutnaya Rodina*. Moscow: ARKTOGEYA-tsentr, 1996. Pp. 207–522. URL: <https://fil.wikireading.ru/75375>.
5. Zholkovskii A. K., Shcheglov Yu. K. *Mir avtora i struktura teksta [Author’s world and text structure]*. Tenafly, N. J.: Ermitazh, 1986.
6. Ishimbaeva G. G. *Kul’turnye kody zarubezhnoi literatury*. Ufa: RITs BashGU, 2019. Pp. 49–58.

7. Campbell J. *Geroi s tysyach'yu litsami [Hero with a thousand faces]*. Kiev: Sofia, **1997**.
8. Meletinskii E. M. *Poetika mifa [The poetics of myth]*. Moscow: Vostochnaya literatura, **1995**.
9. Noimann E. *Proiskhozhdenie i razvitie soznaniya*. Moscow: Refl-buk, **1998**.
10. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoi skazki*. Moscow: Labirint, **2001**.
11. Putilov B. N. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*. Moscow: Nauka, **1975**. Pp. 141–155.
12. Silant'ev I. V. *Poetika motiva*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, **2004**.
13. Simmons D. *Pyatoe serdtse [The fifth heart]*. Saint Petersburg: Azbuka, **2018**.
14. Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broitman S. N. *Teoriya literatury*. V 2 t. [*Theory of literature. In 2 volumes*]. Moscow: Akademiya, **2004**. Vol. 1.
15. Tomashevskii B. V. *Teoriya literatury*. Poetika [*Theory of literature. Poetics*]. Moscow: Aspekt Press, **2003**.
16. Tyupa V. I. *Diskurs*. Novosibirsk: Institut filologii, **1996**. No. 2.
17. Tyupa V. I. *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoi literatury. Ot syuzheta k motivu*. Novosibirsk: Institut filologii, **1996**. Pp. 3–15.
18. Shatin Yu. V. *Rol' traditsii v literaturnoi zhizni epokhi: Syuzhety i motivy*. Novosibirsk: Institut filologii, **1995**. Pp. 5–16.
19. Freud S. *Totem i tabu: psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii [Totem and taboo: the psychology of primitive culture and religion]*. Moscow: Eksmo, **2018**.
20. Frazer J. G. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii*. V 2 t. [*The golden bough: a study in magic and religion. In 2 volumes*]. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub, **2001**. Vol. 1.
21. Khalizev V. E. *Teoriya literatury [Theory of literature]*. Moscow: Vysshaya shkola, **1999**.
22. Jung K. G. *Dusha i mif: shest' arkhetyпов [Soul and myth: six archetypes]*. Moscow: Sovershenstvo, **1997**.

Received 26.11.2019.